

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Научная статья / Research Article

УДК 903.5(571.51)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(3\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(3).-03)

EDN: CWTGCZ

ЗАМЕТКИ О КУЛЬТОВЫХ ПРЕДМЕТАХ В БЕРЕЗОВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ШАРЫПОВСКИЙ РАЙОН КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Андрей Викторович Субботин

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия;
asubbotin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2199-9397>*

Резюме. Статья посвящена анализу трансформации культовых предметов — значительной части погребального сопроводительного инвентаря тагарского могильника Березовский.

На рубеже подгорновского и сарагашенского этапов тагарской культуры формируется новая парадигма погребального сооружения, обряда и состава (набора) сопроводительного инвентаря. Смена канона радикальна. В сопроводительном инвентаре ширится номенклатура артефактов, распространяются (и широко) ранее не встречаемые (или редко встречаемые) в могильном инвентаре находки — оленные бляхи, предметы неизвестного назначения (ПНН), или иначе — «панги», т.н. штандарты с фигурками горных козлов. В изобразительном искусстве (фигурки олений, козлов) прослеживаются свидетельства влияния «алтайских мотивов».

Частая встречаемость этих культовых предметов говорит о высокой степени сакрализации тагарского общества в сарагашенскую фазу его бытования.

В процессе работы была проведена привязка оленных блях и ПНН к существующей хронологической колонке погребальных комплексов Березовского могильника, полученной автором данной статьи в своей диссертации. Значимых взаимосвязанных блоков признаков для группирования рассматриваемого материала и выделения типов (видов, групп и т.п.) в данных коллекциях как оленных блях, так и ПНН не имеется.

К концу тагарской культуры в процессе инволюции данные артефакты неуклонно схематизировались, вотивизировались и уменьшались в размерах. Прекратили свое существование дисковые зеркала и штандарты. Модифицировались и редуцировались также оленные бляхи и предметы неизвестного назначения.

Ключевые слова: тагарская культура, Березовский могильник, культовые предметы: зеркала, штандарты, предметы неизвестного назначения, оленные бляхи, хронологическая колонка, трансформация и инволюция

Благодарности: исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

Для цитирования: Субботин А.В. Заметки о культовых предметах в Березовском могильнике тагарской культуры (Шарыповский район Красноярского края) // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №3. С. 50–61. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(3\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(3).-03)

NOTES ON CULT OBJECTS IN THE BEREZOVSKY BURIAL SITE OF THE TAGAR CULTURE (THE SHARYPOVSKY DISTRICT OF THE KRASNOYARSK AREA)

Andrey V. Subbotin

*Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia;
asubbotin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2199-9397>*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the transformation of cult objects which is a significant part of the funeral accompanying inventory of the Tagarsky Berezovsky burial ground.

At the turn of the Podgornov and Saragash periods of Tagar Culture a new paradigm of burial structure, ritual, and accompanying grave goods emerged. The change in model is radical. The inventory of graved goods expands with broader range of artifacts, including items previously unseen in burial inventories — such as deer plaques, objects of unknown purpose also known as “pangs”, so-called standards with figures of mountain goats. In the fine arts (figurines of deer and goats), there is evidence of the influence of “Altai motifs”.

The frequent occurrence of these cult objects indicates a high degree of sacralization of Tagar society in the Saragash phase of its existence.

In the course of the work, the deer plaques and objects of unknown purpose were linked to the existing chronological table of the Berezovsky burial ground complexes, obtained by the author of this article in his dissertation. There are no significantly interrelated metrics for grouping of the examined material and identifying various types (such as categories, groups, etc.) within these collections, both for deer plaques and for objects of unknown purpose.

By the end of the Tagar Culture, in the process of involution, these artifacts steadily became more schematic, votive, and reduced in size. Disc mirrors and standards ceased to exist. Deer plaques and objects of unknown purpose (“pangs”) were also modified and reduced in form.

Keywords: Tagar Culture, Berezovsky Burial grounds, cult objects: mirrors, standards, objects of unknown purpose, deer plaques, chronological table, transformation and involution

Acknowledgements: the study was conducted as part of the implementation of the program of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences “Steppe Pastoral Cultures, Sedentary Farmers and Urban Civilizations of Northern Eurasia in the Eneolithic — Late Iron Age (sources, interactions, chronology)” (FMZF-2022-0014).

For citation: Subbotin A.V. Notes on Cult Objects in the Berezovsky Burial Site of the Tagar Culture (the Sharypovsky District of the Krasnoyarsk Area). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* =

Theory and Practice of Archaeological Research. 2024;36(3):50–61. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(3\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(3).-03)

Введение

В конце подгорновского и в начале сарагашенского этапов тагарской культуры (около V в. до н.э.) начинает складываться новая парадигма погребального сооружения, обряда и состава (набора) погребального инвентаря. Это признается и констатируется практически всеми специалистами по скифо-сарматскому времени Южной Сибири.

Изменения традиций погребального ритуала, смена канона радикальны — захоронения становятся коллективными и многоактными, их начинают совершать в квадратных больших ямах со срубам, крытых мощными бревенчатыми накатами и каменными панцирями из песчаниковых плит. Площадь могилы и количество погребенных постоянно увеличивается, в обряде фиксируется использование больших фрагментов бересты. В конструкции могильного сооружения нередко выявляется явно читаемый разрыв в каменном покрытии, что однозначно интерпретируется как вход в склеп — место упокоения представителей нескольких поколений одной семьи или рода. Постепенно нарастает количество и объем кремации, сначала встречаемой спорадически и локально, а затем практически наблюдаемой тотально и повсеместно.

Все эти масштабные процессы, естественно, не одномоментны, однако динамика трансформаций впечатляет.

В сопроводительном инвентаре ширится номенклатура артефактов, распространяются (и широко) ранее не встречаемые в могильном инвентаре находки — оленные бляхи, предметы неизвестного назначения (ПНН), или иначе — «панги», колоколовидные навершия и т.н. «штандарты» с фигурками горных козлов, идущих друг за другом по верхнему ободу¹. В изобразительном искусстве (фигурки оленей, козлов) явно прослеживаются и другие свидетельства влияния «алтайских мотивов» (Савинов, 1995, с. 66). Там же Д.Г. Савинов отметил, что имеющиеся материалы указывают на западное происхождение этих инноваций.

Материалы и методы

Все перечисленные выше категории инвентаря не относятся к утилитарным вещам (оружие, орудия труда, украшения и др.), а, безусловно, являются культовыми предметами. Достаточно частая встречаемость их в коллективных могилах свидетельствует о высокой степени сакрализации тагарского общества в сарагашенскую фазу его бытования. Г.Н. Курочкин считал, что модель общественного устройства тагарцев можно назвать теократизированной (Курочкин, 1989, с. 65).

К группе культовых предметов некоторые авторы относят такую всегда богато представленную категорию вещей, как зеркала, которые, по их суждению, были связаны лишь с солярным культом тагарцев и вряд ли использовались в утилитарных целях. (Мартынов, 1979, с. 134; Вадецкая, 1986, с. 93; Курочкин, 1989, с. 65).

¹ В данном случае просматривается некая параллель с сюжетом, представляющим собой цепочку идущих друг за другом баранов или козлов, из 2-го Пазырыкского кургана (Руденко, 1960, с. 294).

Я склоняюсь к тому же мнению. Во-первых, потому, что меня всегда смущало, до какой степени в I тыс. до н.э. — практически во все время бытования зеркал — необходимо было отполировать поверхность бронзового диска так, чтобы в нем человек мог увидеть свое отражение. Во-вторых, потому, что самому пришлось найти в тагарском могильнике Березовский, курган №4 могила-3, комплект из трех культовых предметов (зеркало, ПНН и оленья бляха), явно компактно уложенных в какую-то сумку из органического материала (рис. 1).

Рис. 1. Культовые предметы из могилы-3 кургана №4. Олень, зеркало, ПНН

Fig. 1. Cult objects from grave-3 of mound No. 4.
Deer plaque, mirror, object of unknown purpose (PNN)

Э.Б. Вадецкая упоминает о таких же фактах в ряде других тагарских могил (Вадецкая, 1986, с. 93).

Изображения оленей на территории существования тагарской культуры достаточно многочисленны (лишь в лесостепных могильниках гораздо более 300, а южнее, в могильниках Хакасии, более 100). Они составляют достаточно цельную и представительную группу артефактов, что в принципе позволяет попытаться провести их классификацию. В археологической литературе хорошо известны три классификации тагарских оленей, предложенных в свое время рядом авторов (Членова, 1962, с. 169–203; Бобров, 1973, с. 3–28; Мартынов, 1979, с. 131–135), которые, мягко говоря, не во всем согласны друг с другом (Переводчикова, 1994, с. 106), что весьма обосновано, учитывая специфику рассматриваемых культовых предметов.

В этой связи имеет смысл привести мнение А.И. Мартынова, утверждающего, что многие оленные бляхи присущи лишь одному тагарскому могильнику, а зачастую даже отдельному кургану или конкретной могиле (Мартынов, 1979, с. 121). Поскольку различия и индивидуальные морфологические особенности каждого предмета искусства весьма значительны, структурирование и упорядочение (классификация) материала, а тем более выделение групп изображений оленя достаточно затруднительно и более чем дискуссионно. Возможны ситуации, как правило, связанные с находками, относящимися к предметам художественного творчества, при которых внутри некоторых подобных категорий археологических материалов типы (или классы, группы и пр.) в принципе никак не выделяются. В этом случае правильным решением будет согласиться с мнением И.С. Каменецкого, что говорить в данной ситуации следует не более чем о стиле изображения, его локальных и хронологических вариантах (Каменецкий, 1973, с. 357).

Что касается Березовского могильника, материалы раскопок которого в настоящее время готовятся к изданию, можно констатировать, что все из вышеперечисленных культовых предметов присутствуют в общем массиве сопровождающего инвентаря, встреченного при раскопках более 40 коллективных погребальных комплексов сарагашенского времени Березовского могильника. Самая большая по численности из всего объема культовых предметов памятника группа артефактов насчитывает более чем 180 дисковых зеркал с петелькой на обратной стороне. Вторая по количеству находок представлена коллекцией оленных блях (целых и во фрагментах), состоящей из 70 экземпляров. Помимо этого, в могильнике были найдены 23 предмета неизвестного назначения и 10 штандартов.

Известные типологии и классификации зеркал имеют ряд существенных недостатков и заставляют усомниться в «надежности критериев, по которым происходило выделение типов зеркал» (Субботин, 2014, с. 27). В реальности наиболее хронологически диагностичными характеристиками являются лишь размеры (диаметр) данных находок, однако анализ показал, что эти признаки во всей выборке зеркал не дискретны и классически распределяются по шкале кривой (графиком) нормального распределения, что не дает возможности доказательно выстроить хронологическую колонку этих артефактов (Субботин, 2014, табл. 31в). Совсем незначительное количество так называемых «медалевидных» зеркал (10 экз.), безусловно, диагностично, но маркирует всего лишь три самых поздних погребальных комплекса могильника.

В Березовском могильнике в могилах, явно неординарных по богатству инвентаря и по сложности погребальной архитектуры, а также трудозатратным особенностям ритуала, обнаружено 10 штандартов. Из них два (самая поздняя могила в кургане №21) представляют собой лишь ажурные втулки для насады штандарта на древо, и поэтому морфология их неизвестна. Хотя по виду втулок можно допустить, что утраченные в результате ограбления могилы штандарты также относились к поздним богатым погребальным комплексам (курган №8 мог. 1). Оставшиеся восемь сохранились лучше и наглядно демонстрируют редукцию и деградацию этих предметов культуры за время функционирования Березовского могильника (рис. 2).

Опыты структурирования перечисленных выше категорий погребального инвентаря по сути представляют собой разные по методу и процедуре классификации — упо-

рядочение материала для удобства его изучения, хранения, описания и пр. на основе какого-либо признака. Типология — это уже иной таксономический уровень. Она является методом распределения предметов по группам, типам, функциональному назначению, методам хронологизации и — главное — эволюции археологических объектов и памятников.

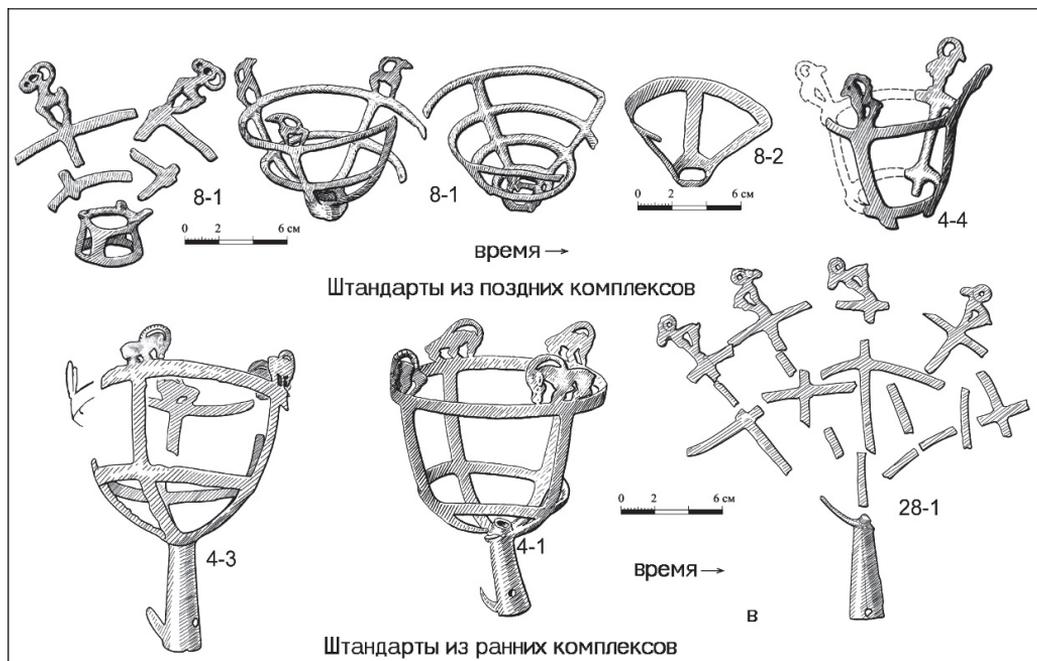

Рис. 2. Инволюция штандартов могильника

Fig. 2. The involution of the standards of the burial ground

Г.Н. Курочкин по серии из 33 целых оленных блях (Курочкин, 1993, с. 181), происходящих всего из 16 могил Березовского могильника, изложил свое понимание модели развития изображений оленя в пределах одного могильника. По мнению автора, схема предполагает эволюцию тагарских изображений на основе исходной художественной модели, которая в Березовском могильнике представлена в погребальном комплексе 4–3 оленной бляхой с рогами в форме дуги с отрогками» (Курочкин, 1993, с. 100). Исследователь считает, что «...почти все остальные изображения оленей в Березовском могильнике последовательно, шаг за шагом развиваются на основе этой базовой иконографической схемы. Механическое разделение множества тагарских оленных блях на десятки типов может быть заменено своего рода генеалогическим деревом, каждая ветвь которого логично произрастает из предыдущей» (Курочкин, 1993, с. 100).

С позиции сегодняшнего дня можно с сожалением констатировать, что автор в своих цитируемых выше тезисах кое в чем ошибался — в частности в его работе отсутствуют объективные критерии демаркации анализируемого материала, что можно расце-

нивать как эмпирический подход к динамике трансформации оленных блях могильника в процессе существования памятника. Гипотезы, методы, выводы и заключения Г.Н. Курочкина сейчас должно рассматривать как один из вариантов исследований материала, относящихся к истории изучения тагарской культуры.

Результаты

Ниже предлагается иная динамика изменения двух категорий тагарского культового погребального инвентаря — оленных блях и предметов неизвестного назначения могильника. Она опирается на разработанную и примененную автором процедуру построения схем внутренней хронологии ряда тагарских могильников (в том числе и Березовского) с помощью компьютерной обработки массовых данных (Субботин, 2014, с. 57). Вкратце можно объяснить, что эта программа действовала по принципу максимально возможной для этого материала «экстремальной группировки параметров» (Браверманн, 1970, с. 123–132; Субботин, 2014, с. 57). Полученные матрицы в результате компьютерной обработки более чем 400 признаков (Субботин, 2014, с. 54), всесторонне (архитектура, обряд, инвентарь и пр.) характеризующей объекты исследования — тагарские погребальные комплексы, позволили объективно выстроить хронологические колонки каждого из рассматриваемых в монографии 12 могильников. В их числе и могильника Березовский (Субботин, 2014, с. 126, табл. 52).

Процедура исследования состояла в привязке в графическом виде 32 сравнительно хорошо сохранившихся изображений оленных блях к базовой хронологической шкале памятника, представленной на рисунке 3 колонкой из 39 погребальных сарагашенских комплексов Березовского могильника.

Таким образом, был предложен и воплощен в рисунке принципиально иной исходный вектор последовательности аналитических действий с изучаемым и анализируемым материалом — не эмпирический, а точнее интуитивный (или иначе — имплицитный) подход к проблеме создания относительной хронологии могильника с опорой лишь на детали и особенности морфологии конкретных анализируемых объектов (в частности оленных блях и ПНН) «...на основании погребального инвентаря, а также с учетом внутрикурганной стратиграфии...» (Курочкин, 1993, с. 99), а объективный и проверяемый процесс привязки фигурок оленей и ПНН к уже выстроенным «ступеням» хронологической шкалы памятника, введенной в научный оборот в 2014 г.

В итоговой иллюстрации наглядно показано, что значимых взаимосвязанных блоков признаков для группирования рассматриваемого материала и выделения типов (видов, групп и т.п.) в данной конкретной коллекции как оленей, так и ПНН, на мой взгляд, не имеется. В левой половине рисунка (оленные бляхи) фиксируются лишь стилистические отличия этих предметов друг от друга в формах рога, ног, морды, глаз, хвоста, в степени рельефности и пр. Во всем объеме изображений, состоящем из 32 целых оленей, наблюдается отсутствие канона и вытекающий из этого неограниченный простор для творчества тагарских литейщиков. Здесь и олени с гребенчатым или дугообразным рогом, и олени с рогом в виде соединенных вместе или насаженных на стержень колец, и олени с S-видными отростками рогов (Мартынов, 1979, с. 120), причем (и это важно) встречаются комплексы, содержащие как те, так и другие формы рогов у встреченных в могиле изображений нескольких оленей.

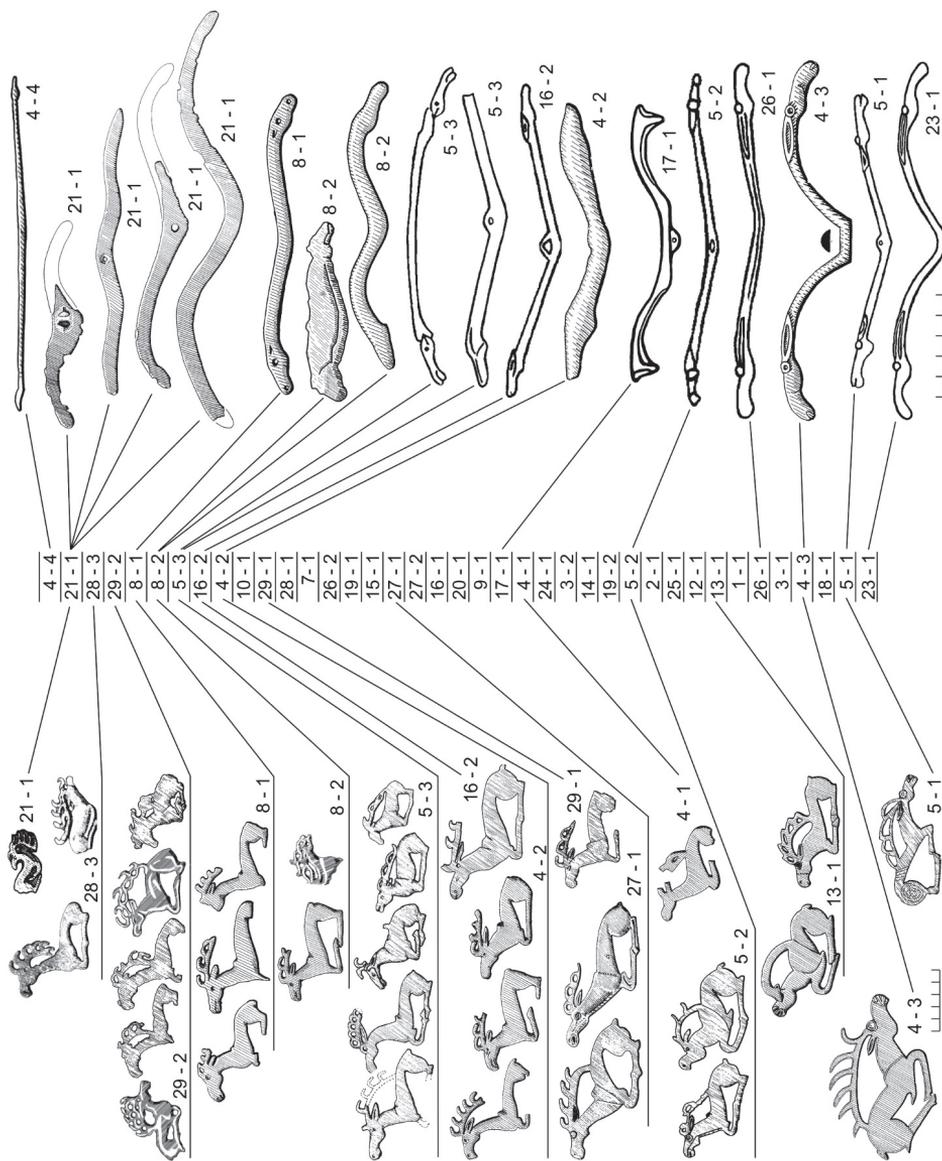

Рис. 3. Модификация оленных блях и инволюция ПНН
 Fig. 3. Modification of deer plaques and involution of PNN

До какой-то степени и лишь по крупному размеру можно выделить несколько оленей, никак не образующих тип (9 экз.), из ранних комплексов могильника — курган №4, мог. 1 и 3, курган №5 мог. 1 и 2, курган №13, курган №16, мог. 2, курган №27, мог. 1.

Важно также отметить, что в рассматриваемой и анализируемой коллекции блях выделяется небольшая группа самых поздних (конец сарагашенской стадии) могил, где были встречены олени с S-видными отростками рогов. Это могилы в кургане №8, мог. 2, кургане №28 мог. 3 и кургане №29, мог. 2. Данная разновидность оленных блях, по мнению некоторых специалистов, связана в первую очередь с курганами тагарского нобилитета. В лесостепных могильниках она появляется позднее, чем в памятниках Минусинского региона. Наглядное тому доказательство мы видим на рисунке 3, где изображения оленей с S-видными отростками рогов найдены в погребальных лепешкинских комплексах Березовского могильника, а также в Серебряковском и Тисульском могильниках (Мартынов, 1979, табл. 38). На этот факт обратил внимание сначала еще В.В. Бобров в своей кандидатской диссертации. Он же отметил, что именно изображения оленей с S-видными отростками рогов нередко были позолочены или полностью облицованы золотой фольгой. В.В. Бобров называл изображения оленей с S-видными отростками рогов «отличительными знаками тагарской знати» (Бобров, 1973, с. 24).

В самой поздней, уже не тагарской могиле памятника (курган №21) была найдена весьма схематичная фигурка лежащего оленя с повернутой назад головой. Поиски аналога в источниках, касающихся рубежа нашей эры, не привели к успеху.

Что касается ПНН, то трансформация их за время функционирования Березовского могильника весьма наглядно приведена в правой половине итогового рисунка (рис. 3).

В могильнике к концу существования тагарской культуры ПНН схематизируются, со временем теряется реальность изображения голов животных (скорее лошадей, чем оленей), происходит деградация и редукция первоначального облика данных артефактов.

Заключение

Итак, на примере Березовского могильника можно констатировать, что к концу бытования тагарской культуры в процессе инволюции, вотивизации и схематизации прекратили свое существование постоянно уменьшающиеся в диаметре дисковые зеркала (Кызласов, 1960, с. 85–86), и штандарты, превратившиеся (курган №8 мог. 2) в миниатюрную, весьма небрежно выполненную трехстержневую ажурную «воронку», опоясанную одной бронзовой пластиной, без фигурок козлов.

Несколько иная ситуация сложилась с оленными бляхами и ПНН.

Первая категория — сам образ оленя — для тагарских племен был, безусловно, не чужим, а близким и в общих чертах понятным (так как эти фигурки оленей не стали бы столь широко распространенными на территории тагарской культуры), концепция его воспроизведения в некоторой степени являлась периферийной, но стойкой «по отношению к звериному стилю других степных культур» (Переводчикова, 1994, с. 106). Поэтому о деградации и схематизации оленных блях говорить было бы до неко-

торой степени непропорционально, а следует употребить такое более точное определение, как модификация, которая происходила вплоть до завершения бытования культуры.

Наконец, ПНН, вероятно, ставшие со временем понятиями чуждыми для позднего саргашенского населения, видоизменялись в сторону схематизации и инволюции вплоть до абсолютно непонятной функции этой категории культовых предметов. Однако существует обоснованное мнение, что хорошо известные найденные в таштыкских склепах бронзовые амулеты — пластины с изображениями антиподально расположенных конских голов явно представляли собой завершающий этап трансформации и формирования данной культовой категории погребального сопроводительного инвентаря уже в послетагарское время (Кызласов, 1960, рис. 32, 48, 53; Грязнов, 1979, рис. 56, 67; Савинов, 1995, с. 66).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бобров В.В. Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 28 с.

Браверманн Э.М. Методы экстремальной группировки параметров и задача выделения существенных факторов // Автоматика и телемеханика. 1970. №1. С. 123–132.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Ленинград : Наука, 1986. 178 с.

Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницина М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. 168 с.

Каменецкий И.С. К вопросу о понятии типа в археологии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент : Фан, 1973. С. 354–357.

Курочкин Г.Н. Эволюция социальной структуры тагарского общества (новые материалы и возможность новых подходов) // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М. : Б.и., 1989. С. 62–65.

Курочкин Г.Н. Свернувшийся в кольцо хищник и «летающий олень» (генезис и распространение ведущих образов скифо-евразийского звериного стиля) // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск : Новочеркасский музей истории донского казачества, 1993. С. 92–104, 180–181.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М. : Изд-во МГУ, 1960. 198 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 207 с.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М. : Восточная литература, 1994. 206 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.

Савинов Д.Г. ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности. СПб. : Б.и., 1995. С. 57–66.

Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб. : ООО «ЭлексСис», 2014. 151 с.

Членова Н.Л. Скифский олень // Материалы и исследования по археологии СССР. №115: Памятники скифо-сарматской культуры. М. : Наука, 1962. С. 167–203.

REFERENCES

Bobrov V.V. Deer in the Scythian-Siberian Art of Animal Style: Abstract Dis. ... Cand. of Historical Sciences. Novosibirsk, 1973. 28 p. (*In Russ.*)

Bravermann E.M. Methods of Extreme Grouping of Parameters and the Task of Identifying Significant Factors. *Avtomatika i telemehanika = Automation and Telemechanics*. 1970;1:123–132 (*In Russ.*)

Vadetskaya E.B. Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei. Leningrad : Nauka, 1986. 178 p.

Gryaznov M.P. Zavitukhina M.P., Komarova M.N., Minyaev S.S., Pshenitsina M.N., Khudyakov Yu.S. The Complex of Archaeological Sites near the Tepsei Mountain on the Yenisei. Novosibirsk : Nauka, 1979. 168 p. (*In Russ.*)

Kamenetsky I.S. On the Question of the Concept of Type in Archaeology. In: Abstracts of the Session Devoted to the Results of Field Archaeological Research in 1972 in the USSR. Tashkent : Fan, 1973. Pp. 354–357. (*In Russ.*)

Kurochkin G.N. Evolution of the Social Structure of the Tagar Society (new materials and the possibility of new approaches). In: New in the Methodology of Archaeological Work on New Buildings of the RSFSR. Moscow : B.i., 1989. Pp. 62–65. (*In Russ.*)

Kurochkin G.N. The Coiled Predator and the “Flying Deer” (genesis and distribution of the leading images of the Scythian-Eurasian animal style). In: Ancient Civilization and the Barbarian World. Part II. Novochoerkassk : Novochoerkasskij muzej istorii donskogo kazachestva, 1993. Pp. 92–104, 180–181. (*In Russ.*)

Kyzlasov L.R. The Tashtyk Epoch in the History of the Khakass-Minusinsk basin. Moscow : Izd-vo MGU, 1960. 198 p. (*In Russ.*)

Martynov A.I. Forest-Steppe Tagar Culture. Novosibirsk : Nauka, 1979. 207 p. (*In Russ.*)

Perevodchikova E.V. The Language of Animal Images. Essays on the Art of the Eurasian Steppes of the Scythian Epoch. Moscow : Vostochnaya literatura, 1994. 206 p. (*In Russ.*)

Rudenko S.I. Culture of the Population of the Central Altai in the Scythian Period. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1960. 360 p. (*In Russ.*)

Savinov D.G. PNN: New Materials and Observations In: Southern Siberia in Antiquity. St. Petersburg : B.i., 1995. Pp. 57–66. (*In Russ.*)

Subbotin A.V. The Nonlinear Nature of the Development of the Tagar Culture (based on the materials of monographically excavated burial grounds). St. Petersburg : ООО “Jeleks-Sis”, 2014. 151 p. (*In Russ.*)

Chlenova N.L. Scythian Deer. In: Materials and Research into Archaeology of the USSR. No 115: The Sites of the Scythian-Sarmatian Culture. Moscow : Nauka, 1962. Pp. 167–203. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Субботин Андрей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Andrey V. Subbotin, PhD of Historical Sciences, Senior Researcher, the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 25.08.2024;

одобрена после рецензирования 06.09.2024;

принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 25.08.2024;

approved after reviewing 06.09.2024;

accepted for publication 10.09.2024.